

УДК 49
ББК Ш 164.2

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАЗВАНИЯ ДИКИХ ХИЩНЫХ
И ПУШНЫХ ЗВЕРЕЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ**

**Turkic-Mongolian Names of Wild Predatory
and Fur-bearing Animals in the Mongolian Languages**

В. И. Рассадин (V. Rassadin)¹, С. М. Трофимова (S. Trofimova)²

¹доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Kalmyk Language and Mongolian Studies Chair, Director of the Scientific Centre for Mongolian and Altai Studies at Kalmyk State University). E-mail: rassadin17@mail.ru.

²доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Russian Language and General Linguistics Chair at Kalmyk State University). E-mail: trofimovasm@mail.ru.

В данной статье на материале халха-монгольского, бурятского, калмыцкого и старомонгольского языков рассмотрена тематическая группа названий диких хищных и пушных зверей с целью выявления их тюркских параллелей. Подлинность тюркского характера приводимых параллелей удостоверена примерами из «Древнетюркского словаря» и подтверждается установленными праформами и этимологиями тюркских параллелей. Наличие множества тюркских соответствий к этим монгольским названиям свидетельствует как о древних контактах прамонголов с древними тюрками, так и о более поздних связях отдельных монгольских народов с конкретными тюркскими племенами.

Ключевые слова: Тюрко-монгольские параллели, хищные звери, пушные звери, тюркские этимологии, монгольские праформы, тюркские праформы, сравнительно-исторический анализ, историческая связь.

The article reviews a group of terms for wild prey and fur-bearing animal nominalization with the aim to identify their Turkic roots. The investigation is based on the materials of the Khalkha-Mongolian, Buryat, Kalmyk and Old Mongolian languages. For more convincing evidences of the fact that the given Turkic parallel does have a Turkic character the material was taken from «the Ancient Turkic language». The authenticity of the Turkic character is confirmed by initial forms and etymology of Turkic parallels. The Mongolian languages have a significant number of common Turkic-Mongolian terms for wild prey and fur animals. The analysis showed that in many cases these Turkic-Mongolian terms are of Turkic origin due to their Turkic etymology. This issue requires a special research. As the article notes, some words came to the Mongol language during the pan-Mongolian period of development, others – after these languages began to develop independently having their own contacts with the Turkic tribes. The presence of numerous correspondences with the Mongolian terms is an evidence of contacts between the ancient Mongols with Turks and later contacts of individual Mongolian people with specific Turkic tribes.

Keywords: Turkic-Mongolian parallels, wild animals, fur-bearing animals, Turkic etymologies, Mongolian protoforms, Turkic protoforms, comparative historical analysis, historical connection.

Как известно, в мировой и в отечественной науке давно обсуждается гипотеза о родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, называемых алтайскими. Наибольшее количество грамматических, и особенно лексических, совпадений обнаружилось между тюркскими и монгольскими языками, что дало повод предполагать существование в прошлом некоей тюрко-монгольской лингвистической общности и тюрко-монгольского праязыка. Однако несмотря на то, что тюрко-монгольская лексическая общность выявлена давно, до сих пор окончательно не установлены конкретные лексические соответствия по конкретным тематическим группам. Целью настоящей работы является восполнение наметившегося пробела в исследовании общей тюрко-монгольской лексики и рассмотрение общих тюрко-монгольских слов, составляющих группу названий диких хищных и пушных животных в монгольских языках. В процессе исследования выявились следующие общие тюрко-монгольские названия таких животных из этой тематической группы.

В калмыцком и других языках ойратов имеется слово *айуу* «медведь», которое является явным тюркским заимствованием, поскольку представлено во многих тюркских языках. Так, Э. В. Севортян [1974: 112] отмечает распространение этого слова по тюркским языкам в виде *айу*, *айув*, *айуу*, *айы*, *айыв*, *айыг*, *айық*, *азыг*, *азыг*, *адыг*. Судя по фонетическому облику тюркского оригинала, источником заимствования мог послужить один из тюркских языков кыпчакской группы типа казахского и современного киргизского, где и представлены варианты *айу*, *айув*, *айуу*. Праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **адуг* и сопоставляется со старомонгольским словом *адугун* «животное, скотина» [Сравнительно-историческая 2001: 159].

Другой вариант тюркского названия медведя — *адйү*, или *адүг*, *адйү*, представленный в древнетюркских письменных памятниках огузо-уйгурского типа [Древнетюркский 1969: 10; 14] и бытующий в виде *адыг*, или *адыг* в современных тюркских языках типа тувинского, тофаларского, сойотского, относящихся к саянской группе, — явился прототипом халха-монгольского слова *адаг* «губач, медведь южноазиатский». Это слово зафиксировано и в старомонгольском письменном языке в виде *адаг*, кроме того,

названия — халха-монгольское *эви адаг*, старомонгольское *ebshi адаг* «губач-медведица, самка южноазиатского медведя» и халха-монгольское *эр адаг*, старомонгольское *er-e адаг* «губач медведь, самец южноазиатского медведя» — тоже созданы по тюркскому образцу. Здесь элемент *эви*, *ebshi* монгольского словосочетания соответствует древнетюркскому слову *ebci* «жена, женщина» и саянско-тюркскому *эниш* «женщина», применяемому также для обозначения самок животных, а элемент *эр*, *er-e* соответствует древнетюркскому *er* «муж, мужчина; мужской». Это слово широко распространено и в современных тюркских языках [Севортян 1974: 321–322]. Кстати, следует заметить, что слово *эви* в халха-монгольском языке бытует и как самостоятельная лексема со значением «самка бобра». Кроме того, лексемы *эви* и *эр* представлены в халха-монгольском языке и в структуре слов *эвишгэс* «самка соболя» и *эрхэс* «самец соболя», которые в виде *ebshigis* и *erkis* с теми же значениями имеются и в старомонгольском письменном языке. В этих лексемах второй компонент *-gis/-kis* имеет значение «соболь», что представляет собой адаптацию древнетюркского слова *kish* «соболь», хотя во всех монгольских языках, в том числе и халха-монгольском, соболь называется *булган*. Широкое распространение слова *киш* «соболь» в тюркских языках подтверждено этимологией [Этимологический словарь 1997: 77–78], праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **ki:sh*. [Сравнительно-историческая 2001: 162–163].

Представленное в халха-монгольском языке слово *бар* (*барс*) и в старомонгольском *bars* означает «тигр», в калмыцком языке слово *барс* — это «барс», в бурятском *бар* — это «барс; тигр; в западных говорах лев». В древнетюркском языке ему соответствует слово *bars* «тигр», которое представлено во многих древних, средневековых и современных тюркских языках со значениями «тигр; барс; леопард; пантера» [Севортян 1978: 68]. Праформа этого слова для тюркских языков восстанавливается в виде **bars* с указанием, что «термин относится к числу бродячих слов..., в пратюркском появился скорее всего через иранское посредство» [Сравнительно-историческая 2001: 157]. В халха-монгольском языке имеется слово *ирвэс*, означающее «леопард; барс; пантера; пума; кугуар», в старомонгольском

языке ему соответствует *irbis* «леопард», в калмыцком языке *ирвсг* означает «тигр». В древнетюркском языке этому монгольскому слову соответствует словоформа *irbiz* «леопард», к которому как вариант дается словоформа *irbič* «рысь, леопард». Э. В. Севортян исходной для тюркских языков считает словоформу *илбирс*, которая наряду с этим имеет в тюркских языках и другие варианты: *илвирс*, *илбис*, *илвиз*, *илвис*, *ирбиз*, *ирбис*, *ирбич*, *ирбиш*, *ирпиз*, *илпиз* со значениями «барс, снежный барс, тигр, пантера, леопард, снежный леопард, ягуар, рысь», — и приводит монгольскую параллель в виде *irbis* *лурвэс* «пантера, леопард» [Севортян 1974: 346]; праформа этого тюркского слова дается в виде **irbiš* [Сравнительно-историческая 2001: 156].

Халха-монгольское *цөөвөр* в составе словосочетания *цөөвөр чоно* и старомонгольское *čögebüri činu-a* «шакал», а также бурятское окинское *сөөвөр*, закаменское *сөөвөри*, *сүүбэри*, тункинское *сүбэр* «альпийский красный волк» [Рассадин 1996: 139, 191, 192], содержат в своей структуре элемент *-вөр//бөрүл//büri//бэр//бэри* — не что иное, как адаптация древнетюркского слова *böri* «волк», которое широко представлено во всех тюркских языках в виде *бөри*, *бүри*, *бөөри*, *бөрү*, *пөөрү*, *пүүр* и др. [Севортян 1978: 219–220]. Праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **bö:ri*. [Сравнительно-историческая 2001: 159–160].

В калмыцком языке имеется слово *барг* [*баръг*] «сторожевой пес; дворняжка», которое соответствует древнетюркскому *baraq* «охотничья собака с лохматой и длинной шерстью». Данное слово представлено во многих тюркских языках, ср., например, кирг. *барак ит* «охотничья собака с лохматой и длинной шерстью», каз. *барақ* «порода собаки», к.-калп. *барақ* «волосатый, лохматый», ног. *барак* «овчарка, собака с лохматой шерстью; волосатый, лохматый», узб. *бароқ* «лохматый, косматый; мохнатый, пушистый», тур. *barak* «волосатый, лохматый; порода охотничьих собак» [Рассадин 2007: 113].

В калмыцком языке представлено слово *кичг* [*кичег*], которое фиксируется и в языке дербетов Монголии как *кичиг* [Вандуй 1965: 156] «щенок собаки, волчицы, лисицы». Оно может быть сопоставлено с др.-тюрк. *kičüg*, *kičük* «маленький, малый», *kičig* «маленький, малый, небольшой; малый по

положению; малый, младший; немного». Это слово имеется во многих современных тюркских языках, ср., например, кирг. *кичүү* «маленький, младший, меньший», *күчүүк* «щенок», каз. *киши* «младший, меньший», *күшик* «щенок», ног. *кишкей* «маленький, меньший», *куьшик*, *куьшелек* «щенок», уйг. *кичик* «маленький, младший, меньший», кучук «щенок», тат. *кече* «маленький, младший», *көчек* «щенок», тур. *kiçük* «маленький, малый, небольшой; ребенок, младенец; детеныш» [Рассадин 2007: 116; см. подробнее: Севортян 1980: 92–93].

Представленные в халха-монгольском *хярс*, в старомонгольском *qirsa* и в калмыцком *кирс* «корсак, степная лисица» имеют праформу в виде **qirsa*, которую можно сопоставить с др.-тюрк. *qarsaq* «корсак, степная лисица». Эта тюркская словоформа широко распространена почти во всех тюркских языках и имеет генетическую связь с монгольской праформой [Этимологический словарь 1997: 313–314]; праформа этого тюркского слова приводится в виде **qarsaq* см. : [Сравнительно-историческая 2001: 161].

В калмыцком языке имеется слово *борсг* «барсук», которое употребляется со словом *зорхн* «барсук». В древнетюркском языке калмыцкой словоформе *борсг* соответствуют формы *borsmaq*, *borsmuq*, *borsuq* «барсук». Праформа этого общетюркского слова в виде **borsuq* и распространение этого слова в тюркских языках в виде вариантов *борсмук*, *борсук*, *порсук*, *порсуг*, *порсук*, *бурсык*, *бурһыг*, *борсык*, *порсык*, *морсык*, *порсых*, *морсых*, *морсук*, *морзук*, *пурдш* везде с одним значением «барсук» предполагает этимологическую связь с тюркским глаголом **b/porsu* = «вонять» [Сравнительно-историческая 2001: 164].

В халха-монгольском языке имеется слово *хүрнэ*, которое соответствует старомонгольскому *küren-e* и калмыцкому *күрн* «хорек». Его можно сопоставить с тюркским словом *кузен*, представленным во многих тюркских языках со значениями «хорек, куница, ласка, колонок»; праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **küzen* [Сравнительно-историческая 2001: 163]. Монгольское *küren-e* представляет собой ротацирующее соответствие этого тюркского слова. Как известно, ротацирующий вариант характерен для тюркских языков болгарского типа, о чем может свидетельствовать старочувашская праформа

**kürän* [Сравнительно-историческая 2001: 163].

В боханском говоре бурятского языка имеется словосочетание *хуб халюун* «выдра», в котором элемент *хуб* сопоставим с калмыцким словом *sub* «выдра», зафиксированным Г. Рамstedтом [1935: 336а], который дал его без обычных параллелей из других языков. Мы считаем возможным сравнить бурятское *хуб* и калмыцкое *суб* с древнетюркским *sub, suv, suw, suy* «вода», которое является общетюркским и представлено во всех тюркских языках [Рассадин 2007: 83–84]. Праформа этого общетюркского слова восстанавливается в виде **su:w/| su:b* «вода, река» [Сравнительно-историческая 2001: 87]. Мы предполагаем, что это тюркское слово в свое время могло уточнить значение слова *халюун* «выдра», поэтому словосочетания бур. *хуб халюун* и калм. *суб халюун* могли означать «водная выдра», что осталось в бурятском языке. В калмыцком же языке соотнесенность слова *халюун* «выдра» со словом *суб* «вода, водный» впоследствии была утрачена, и второй компонент *халюун* этого сочетания мог попросту отпасть, название «выдра» могло закрепиться за компонентом *суб* [Рассадин 2007: 84].

Халха-монгольское слово *туулай*, бурятское *туулай*, калмыцкое *туула*, старомонгольское *taulai* «заяц» восходит к праформе **tavulai* < ***tabulai*, которую можно сопоставить с др.-тюрк. *tabišyan, tavičyan, tavišyan, tavšan, tavušyan* «заяц», которое, вероятно, образовано от общетюркского глагола *tap* = «находить», а в некоторых языках имеет еще значение «добывать» (на охоте). Элемент ***tabul* в структуре монгольской праформы представляет собой ламбдаирующий вариант тюркского элемента *tavuš*. Можно также предположить, что элемент ***tabul* монгольской праформы восходит непосредственно к тюркской праформе **tawyl-gan*, восстановленный вариант которой см.: [Сравнительно-историческая 2001: 164].

В калмыцком языке Г. Рамstedт зафиксировал слово *köörög* [*köörög*] «какой-то маленький пушной зверек — бурундук?», которое он сравнивает с барабинским *küäräk* [1935: 243b]. Это слово представлено почти во всех сибирских тюркских языках, ср., например, алт., шор. *körük*, хак. *körük*, тув. *xөөрүк*, тоф. *hөөрүк* «бурундук» [Рассадин

2007: 115]. Это слово калмыки могли позаимствовать от одного из этих языков.

Представленные в халха-монгольском *зурам*, в западно-бурятском *зумара, зумари*, *зумбара*, в калмыцком *зурми*, в старомонгольском — *juram-a, jurum, jurman* можно сопоставить с тюркским словом *йумран* «суслик», представленным в ряде тюркских языков, ср., например, чаг. *йумран*, турк. диал. *йумра:н*, балк. *джубуран*, тат., башк. *йомран*, алт. *йымран*, узб. *йумрон*, уйг. *йумран* «суслик». Для этого тюркского слова восстанавливается праформа в виде **jumran* [Сравнительно-историческая 2001: 165–166]. Тюркское *йумра:н* «суслик» возможно сопоставить с тюркскими же *йумруқ* «кулак», *йумры* «круглый», *йумуртга* «яйцо», *йумур* «один из отделов желудка жвачных животных», *йумак* «всякая свернутая и шарообразная вещь», шар, «клубок, опухоль; круглый» и возвести их к глаголу *йум* = «закрывать, зажмуривать глаза; сжимать пальцы в кулак» [Этимологический словарь 1989: 250].

Как можно видеть из приведенного выше исследования, в монгольских языках представлено немало общих тюрко-монгольских названий диких хищных и пушных зверей. Анализ показал, что во многих случаях эти тюрко-монгольские термины являются тюркскими по происхождению, что объясняется их тюркской этимологией. Сейчас трудно точно сказать, когда и при каких обстоятельствах эти слова попали в монгольские языки. Это предмет особого исследования. Ясно только, что некоторые слова проникли к монголам еще в общемонгольский период развития, другие же попали в каждый из монгольских языков отдельно уже после того, как эти языки выделились из общемонгольского состояния и стали развиваться самостоятельно, имея собственные контакты с тюркскими племенами.

Список сокращений
(названия языков и диалектов)

- алт. — алтайский
- башк. — башкирский
- балк. — балкарский
- бур. — бурятский
- др.-тюрк. — древнетюркский
- каз. — казахский
- к.-калп. — кара-калпакский
- калм. — калмыцкий
- кирг. — киргизский
- ног. — ногайский

тат. — татарский
тоф. — тофаларский
тув. — тувинский
тур. — турецкий
турк. диал. — туркменский диалект
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
хак. — хакасский
чаг. — чагатайский (староузбекский)
шор. — шорский

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том I. А–Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том II. Д–О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 507 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том III. Ө–Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том IV. Х–Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 506 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Рассадин В. И.* Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 216 с.
- Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. унта 2007. 164 с.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. М.: Наука, 1989. 292 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К», «К». М.: Языки рус. культуры, 1997. 363 с.
- Вандуй Э.* Дорвод аман аялгуу. Улаанбаатар 1965. 176 х.
- Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Druckerei-A.G. der finnischen Literatur gesleerschaft, 1935. 591 p.